ВМЕСТЕ ИНЭЙНЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного еврейского фонда „Турбота поколінь – Хэсэд Дорот”

Издаётся с декабря 2000 года.

Адар/Нисан 5778 март 2018 **№3(195)**

Праздник Песах

Праздник Песах (Пасха) – главный во всей череде еврейских праздников. Из четырёх праздников, заповеданных евреям Торой, он назван первым и это, очевидно, не случайно. Песах посвящается одному из наиболее значительных событий библейской истории – исходу из Египта и освобождению народа от 400-летнего рабства. Большинство учёных считают, что это произошло в XIII в. до н.э., около 1200 года.

Слово „песах” означает „пройти мимо, пропустить”. Оно возникло в память о том, как ангел смерти, проходил мимо жилищ израильтян, поражая только египетских первенцев в дни десятой казни, посланной Б-гом на фараона и его царство. Через Моше и Аарона Б-г повелел евреям приготовить по жертвенному агнцу и его кровью смазать оба косяка и перекладину двери каждого еврейского дома. Б-г пощадил всех еврейских первенцев, поразив египетских. Только после смерти всех египетских первенцев фараон позволил евреям покинуть Египет. Поэтому Песах связан с прославлением свободы евреев.

Тора повествует нам о том, что во время великого голода потомки праотца Авраама, поселились в Египте, воссоединившись с Иосифом, одним из двенадцати сыновей Иакова, который был важным правителем в Египте. Под защитой Иосифа и под покровительством его приемников небольшое еврейское поселение превратилось в процветающую двухмиллионную общину.

Однако Иосиф умер, и через несколько поколений править Египтом стала династия фараонов „Иосифа не ведавшая”. Новый фараон увидел в Израиле угрозу своей власти и побоялся, что, объединившись с врагами Египта, они пойдут на него войной. Фараон поработил их и заставил изготовлять кирпичи для постройки городов Рамсес и Питом. Пытаясь контролировать рост населения, он приказал убить всех израильских младенцев мужского пола. В то время был рождён Моше. Чтобы спасти жизнь ребёнка, мать Моше Йоховед положила новорождённого в корзину и пустила её вниз по течению реки. Он был найден дочерью фараона и усыновлён ею. В зрелом возрасте Моше узнал о своём происхождении, о гнёте рабства над его народом и покинул дворец, так как он не мог быть угнетателем своего собственного народа.

Однажды увидев египтянина, безжалостно избивавшего еврея, Моше в гневе убил его. Опасаясь за свою жизнь, он убежал в Мидьян. Через много лет Б-г призвал Моше вывести народ израильский из египетского рабства. Он вернулся в Египет и вместе со своим братом Аароном предстал перед фараоном, провозглашая слова Б-га: „Отпусти народ Мой!”. Но фараон не только не отпустил евреев, а ужесточил их преследование. В наказание за это Б-г послал на страну „десять казней египетских”. Все казни были направлены на египетские божества, чтобы показать египтянам, что Б-г Израиля превыше всех богов Египта.

Много раз фараон обещал отпустить еврейский народ, но после того как наказания Б-жьи останавливались, он передумывал. В конце концов, Б-г послал последнюю, особо жестокую казнь на землю египетскую: смерть каждого первенца от людей до скота. Только после этого фараон, будучи в гневе и страхе, позволил народу израильскому выйти из Египта.

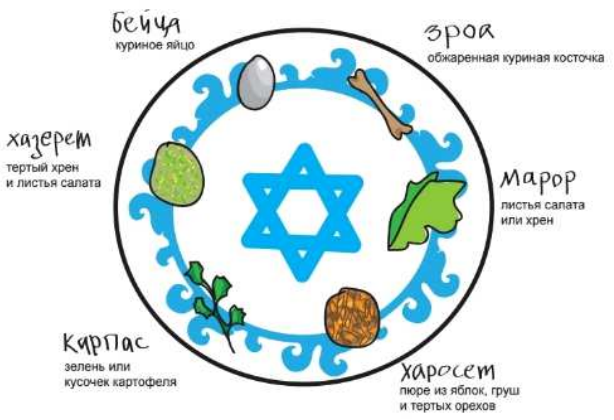
Когда фараон осознал, что он сделал, то послал за ними войска, чтобы догнать и возвратить их. Б-г через Моше открыл перед израильтянами проход в море, и народ прошёл по суше. Когда же египетское войско последовало за ними, Б-г затопил проход, и оно утонуло. Так Израиль приобрёл свободу от рабства.

Праздник Песах в Израиле длится семь дней с 15-го по 21-е число весеннего месяца нисана по еврейскому календарю. В диаспоре количество праздничных дней увеличивается до восьми. Первый и последний дни (в диаспоре первые и последние два дня) праздника считаются нерабочими. Остальная неделя называется „праздничными буднями”. Основатель хасидского движения рабби Исраэль Баал Шем Тов ввёл обычай в последний день Песаха устраивать третью трапезу и назвал её „трапезой Машиаха”.

Особое значение имеет праздничный ужин – седер (порядок), который устраивается в первый вечер праздника (14 нисана), а в странах диаспоры – в первые два вечера (14 и 15 нисана). За торжественным ужином собирается обычно вся семья, стол накрывают после захода солнца, после возвращения из синагоги.

Вовремя седера произносятся установленные правилами благословения, читаются молитвы и поются псалмы. На стол ставят лучшую посуду, свечи, кошерное вино, три больших куска мацы.

Вовремя седера в определённой последовательности читают повествование об Исходе (обычно по книге Пасхальная Агада) и вкушают особые символические блюда: мацу – во исполнение заповеди Торы; горькую зелень – марор (салат-латук, базилик и хрен) и хазерет (тёртая зелень), символизирующие горечь египетского рабства.



Во время еды зелень обмакивают в солёную воду, символизирующую слезы, пролитые евреями в египетском рабстве, и море, которое они пересекли во время Исхода.

За праздничной трапезой вкушают также харосет (смесь из тёртых яблок, фиников, орехов и вина), цветом напоминающей глину, из которой евреи делали кирпичи, находясь в египетском рабстве.

Вся еда раскладывается на кеаре – особом блюде, использующемся только для трапезы седера. На кеару также кладутся зроа – прожаренный кусок баранины с косточкой, в память о пасхальном жертвоприношении в Иерусалимском Храме, бейца – крутое яйцо, как память о храмовых богослужениях, и карпас – кусочек любого весеннего овоща (евреи, живущие в Европе, заменяют его варёным картофелем). Это символические блюда, которые не едят.

Перед ведущим седера кладут три пластины мацы, покрытых салфеткой. Перед каждым участником трапезы кладут Пасхальную Агаду – книгу, содержащую сказание об Исходе из Египта и все необходимые для седера молитвы и благословения.

В качестве основных блюд на пасхальную трапезу подают куриный суп с клёцками из мацы, гефилте фиш (фаршированная рыба) и запечённое мясо.

Вовремя седера, каждый еврей должен пройти пять обязательных этапов (мицвот): съесть мацу, выпить четыре бокала вина, съесть марор (обычно между двумя кусочками мацы), прочесть Агаду, петь (или прочесть) хвалебные псалмы.

Четыре бокала красного вина символизируют четыре обещания, данные Вс-вышним народу Израиля: „И выведу вас из-под ига египтян…”; „И избавлю вас…”; „И спасу вас…”; „И приму вас…”

По традиции, принято наполнять пятый, особый, бокал и оставлять его для пророка Элиягу (Ильи), который вернётся в канун Песаха на землю, чтобы возвестить о приходе Машиаха, с приходом которого все евреи возвратятся в Эрец-Исраэль. Этот бокал не выпивают, а оставляют на праздничном столе.

Существует обычай прятать вовремя седера кусочек мацы (афикоман), чтобы увлечь детей его поисками. Найденный афикоман съедается в конце трапезы, которую заканчивают словами приветствия: „В будущем году – в Иерусалиме!”.

По материалам сайтов Интернета.

Откуда взялась наша „Надежда”

Недавно мы с женой побывали в Праге. Перед входом в королевский дворец на Градчанах толпилась группа израильских туристов. Группа стояла онемев, с широко раскрытыми от изумления ртами. Ещё бы: прямо у входа, под памятником Масарику, оркестр ультраортодоксальных евреев исполнял „Хатикву”. Израильтяне, читающие эту статью, поймут всю странность и загадочность подобного зрелища, а не живущим на Святой Земле я предлагаю поверить на слово. Спустя несколько минут к начинающим от ходить от оцепенения туристам вернулся гид, ходивший, по-видимому, отмечать входные билеты.

– Видите ли, – объяснил он, – бороды, чёрные шляпы и чёрные костюмы вовсе не являются однозначной принадлежностью еврейских ультраортодоксов. В Чехии, например, так одеваются музыканты.

– Но почему они играют „Хатикву”? – не унимались туристы.

– Ну, – предположил гид, – наверное, они увидели группу израильтян и в знак приветствия исполнили наш гимн. Чехи вообще очень гостеприимная нация, вы разве не заметили?

– Заметили, заметили, – закивали туристы, и в футляр от контрабаса, призывно распахнутый на мостовой перед оркестриком, посыпались монетки. Довольная группа двинулась на осмотр дворца, а мы продолжали слушать симфоническую поэму Бедржиха Сметаны „Влтава”.

– А всё-таки, – спросила жена, – как получилось, что гимн государства вырос из музыкального произведения? Неужели прямое заимствование? Но почему именно отсюда?

В симфонической поэме „Влтава” Сметана описывает одну из крупнейших чешских рек. Наигрыши флейт в начале поэмы изображают спокойное течение Влтавы, звуки труб и валторн – охоту в лесу на её берегах, ритм весёлой польки – крестьянскую свадьбу, тихая мелодия у скрипок на фоне „переливов” деревянных духовых – ночные хороводы русалок. Во „Влтаве” несколько раз звучит мотив, основанный на народной итальянской песне „La Mantovana”. В Чехии эта мелодия считается неофициальным национальным гимном. Позднее она же легла в основу гимна Израиля „Атиква”. Поэма была написана в ноябре-декабре 1874 года.

Известная израильская пианистка и музыковед Астрит Бальцан провела почти восьмилетнее расследование и написала о „Атикве” целую книгу. Книгу эту – увы – просто так купить невозможно, Бальцан продает её только на своих лекциях. Пришлось пойти на лекцию.

Лекция была блестящей, книга – замечательной. Я получил ответ на все свои вопросы. Бальцан не просто развязала узелочки, но и подтвердила каждый шаг расследования фотографиями, нотами и копиями документов. В книге около двухсот страниц. Я изложу только общий ход расследования, а жаждущие доказательств могут отыскать книгу Астрит Бальцан и воочию убедиться самостоятельно.

Мелодия „Атиквы” известна уже 600 лет. Это молитва о росе „биркат аталь” испанских евреев. Бальцан нашла в Амстердаме ноты трёхсотлетней давности со словами молитвы о росе. Часть испанских евреев, спасаясь от инквизиции, оказалась в Италии, где эта мелодия понравилась музыкальным итальянцам и они превратили её в народную песенку. Её услышал Моцарт и написал на эту тему фортепианную пьесу, которую играл в Праге. Сметана, вдохновлённый пьесой Моцарта, вставил её в сюиту „Влтава”. В общем, если говорить о заимствовании, то обвиняющий палец нужно направить в сторону многоуважаемого чешского композитора. А наш гимн – самая что ни на есть национальная еврейская мелодия!

Но как возникла такая коннотация? Почему во всех справочниках еврейский гимн однозначно увязан с произведением Сметаны? Об этом – чуть позже.

Когда новый репатриант из Румынии Шмуэль Коэн приспособил „Атикву” Нафтали-Герца Имбера на мотив „Ой-са” – народной песенки румынских извозчиков – он вообще не думал о Сметане и, я почти уверен, фамилии такой никогда не слышал. Стихотворение Имбера полюбилось жителям Реховота, одним из которых был Шмуэль Коэн.

Надо сказать, к тому времени стихотворение претерпело значительные изменения. Давид Елин, основатель „Ваад Халашон Хаиврит” – комиссии по внедрению иврита в Палестине, изменил порядок четверостиший, Иегуда-Лейб Матмон-Коэн, директор первой еврейской гимназии „Герцлия”, переделал второе четверостишие, а оставшиеся семь попросту выкинул.

Имбер не получил признания, как поэт. Его книга „Баркай” – „Заря” содержавшая стихотворение „Атиква” была разгромлена критикой. Элиэзер бен Иегуда обвинил его в незнании грамматики иврита, другие ивритские писатели указывали на неправильную огласовку, небрежную, хромающую рифмовку и слабую поэтическую технику. Как писали в одном из отзывов: всё это указывает на лень автора и его халатность в работе с текстом и самое главное – непрофессионализм. В историю литературы Израиля Нафтали-Герц Имбер вошёл как автор одного стихотворения. Но мнение профессионалов одно, а народная любовь – совсем другое. Шмуэль Коэн задал мелодическую основу, песню начали петь, изменять, притирать и шлифовать и, в конце концов, она превратилась в гимн. А было это так…

Герцль и Макс Нордау устроили конкурс на сочинение национального гимна. Приз составлял по тем временам немалую сумму – 500 франков. Но честь была куда выше стоимости награды, и на конкурс было подано 45 произведений известных авторов. Прослушав их, Герцль и Нордау без колебаний отправили все варианты в корзину. И вот, во время посещения Палестины, Герцль оказался в Реховоте.

(Окончание на стр. 2)

Откуда взялась наша „Надежда”

(Окончание. Начало на стр. 1)

Пророка еврейского государства встречали с восторгом и в его честь хор местных жителей исполнили песню на уже известное к тому времени стихотворение „Атиква” в музыкальной интерпретации Коэна. Я не могу себе точно представить, как оно произошло, возможно Герцль поднял указательный палец и сказал: „О!”, а возможно столь откровенно еврейская мимика была чужда венскому интеллигенту и он просто попросил переписать слова и мелодию… Однако именно с этого момента „Атиква” начинает фигурировать в качестве национального гимна. Итак, Сметана тут совсем не при чём. А кто же при чём? Неужели безымянный румынский биндюжник? Тоже, знаете, невелика честь….

Вот что пишет в своём фундаментальном исследовании о происхождении мелодии „Атиквы” композитор и музыковед Авраам Цви Идельсон: „… речь идёт о блуждающем мотиве, который много лет гулял по просторам Европы. Он берёт своё начало в испанских синагогах 14 в., превращается в популярную итальянскую песню, распространённую скрипачом Каспаро Занти в 17 в., продолжается в ашкеназских синагогах в молитве „Да возвеличится Вс-вышний” 18 в., а оттуда перекочёвывает в народные песни Польши, Румынии и Чехии...” Получается, что безымянный румынский биндюжник напевал мелодию из синагоги, а наш гимн – всё-таки исконно еврейская мелодия. Весьма занимательна история оркестровки „Атиквы”. До возникновения государства её обычно исполнял оркестр пожарной команды Тель-Авива. Нот не было, играли на слух, по наитию. В аранжировке симфонического оркестра „Атиква” прозвучала только один раз, в 1937 г., во время празднеств по случаю коронации Георга VI. Торжественный вечер открывался гимном Британии, которая тогда правила Палестиной. Из Англии специально выписали дирижёра, сэра Малькольма Сарджента. Заодно с „Боже, храни короля” он сделал и оркестровку „Атиквы”, однако нот не оставил. В октябре 1945 г. в Тель-Авиве появился знаменитый итальянский дирижёр, звезда мировой величины, Бернардино Молинари.

– Меня сюда позвала Дева Мария, – не смущаясь, заявлял он. – Она явилась во сне и велела ехать в Палестину, помогать евреям.

В то время попасть в Палестину было весьма не просто, но знаменитый дирижёр пустил в ход свои связи и прилетел в Тель-Авив на английском бомбардировщике. Молинари на добровольных началах, то есть совершенно бесплатно, взялся руководить тель-авивским симфоническим оркестром. Мировая знаменитость сразу вывела оркестр на иной уровень. Он был весьма эксцентричным человеком, каким может быть только по-настоящему гениальный дирижёр. Всякий раз, становясь за пюпитр, он одной рукой поднимал дирижёрскую палочку, второй оглаживал нательный крест и что-то шептал. Перед одним из торжеств, он заявил, что такого рода события должны открываться гимном.

– Где ваш гимн? – спросил он у музыкантов. – Дайте мне ноты!

– Гимн-то есть, – ответил капельмейстер, – но нет оркестровки.

– Как же так?! – вскричал Молинари.– У вас же перед войной выступал сам Артуро Тосканини. Неужели он не оставил нот?

– Маэстро Тосканини, – ответил капельмейстер, – в знак протеста против фашизма, принципиально избегал любых государственных мелодий. Так что, увы…

– Как же у вас исполняют гимн? – удивился дирижер.

– Его играет оркестр пожарной команды, – развёл руками капельмейстер. – Им ноты ни к чему, сами понимаете, дудят, во что попало…

– Напойте мне ваш гимн, – распорядился Молинари. – Я напишу оркестровку.

Так „Атиква” зазвучала в симфоническом исполнении.

В 1949 г., когда Израиль начал охотиться за нацистами и их пособниками, Молинари внезапно исчез. Зная его эксцентричный характер, никто не удивился. Он неожиданно приехал, и также неожиданно пропал. Подробности стали известны спустя несколько лет. Дирижёр вернулся в Италию и сразу был арестован по подозрению в содействии фашистам. Допросы однозначно установили его виновность. Выяснилось, что Молинари передал фашистам некую информацию о евреях-музыкантах его оркестра. Обвинительных материалов не хватило для судебного осуждения, но подавленный Молинари добровольно заточил себя в монастырь и после четырёх лет пребывания в полном одиночестве умер в возрасте 72 лет. Когда эти сведения докатились до Израиля, его оркестровку „Атиквы” немедленно изъяли из употребления. Немецкий композитор и дирижёр еврейского происхождения Пауль Бен-Хаим (Франкенбургер) выполнил новую оркестровку, которая и стала официальной версией гимна. В 1967 г., после шестидневной войны, на горе Скопус готовили торжественную церемонию победы, с участием президента, премьер-министра, главнокомандующего и вообще всех важных особ в государстве. Дирижировать симфоническим оркестром пригласили самого Леонардо Бершнтейна. Когда начали репетировать „Атикву”, Бернштейн скривился: „Что это такое? У вас же был другой, прекрасный вариант! Где он?”

Ему объяснили, в чём дело.

– Неужели вы не понимаете?! – произнес Бернштейн. – Молинари приехал в Тель-Авив просить у евреев прощения. Он, как умел, пытался загладить свою вину.

Оркестр исполнил „Атикву” по нотам Бернардо Молинари. С тех пор и до сегодняшнего дня гимн исполняется только в этой оркестровке. Так что же всё-таки со Сметаной? Почему во всех энциклопедиях и справочниках „Атиква” связывается с симфонической поэмой „Влтава”?

А дело вот в чём. В тридцатые годы, когда отношения между британцами и еврейским ишувом в Палестине натянулись до предела, мандатные власти запретили транслировать по радио патриотические песни, подхлёстывающие, по их мнению, национальное самосознание еврейских фанатиков. В первую очередь была запрещена „Атиква” И вот тогда-то, почти каждый день радио передавало симфоническую поэму Бедржиха Сметаны. Возможно, именно поэтому и сложилось мнение, будто именно она послужила основой для гимна еврейского государства.

Яков ШЕХТЕР.

Ефильм Закадрович, или Совесть театра

В 1957 г. на студии „Арменфильм” решили снять картину о революционере Камо. Начали искать актёра на главную роль, но требовательные режиссёры (их было два) отвергали одну кандидатуру за другой. Кто-то из ассистентов вспомнил о фильме „Пролог”, где одну из главных ролей великолепно сыграл ленинградский актёр Ефим Копелян. Решили попробовать его, однако выяснилось, что он не армянин, а чистокровный еврей.

Казалось бы, какие проблемы, но из местного ЦК раздался окрик: „Роль армянина-революционера должен играть только армянин!”. Поиски возобновились, и Ефима Копеляна заменили на Гургена Тонунца, которого нашли… в Кустанайском драматическом театре. Друг Копеляна, актёр и режиссёр Арам Карапетян, вспоминал, что однажды спросил „неудавшегося Камо”, откуда у него такая странная фамилия. Он ответил: „Вероятно, мои предки носили фамилию Каплан, но для евреев существовала черта оседлости. Чтобы её избежать, стали называться Копелянами. А впрочем, Б-г его знает почему”. „И у тебя совсем нет армянской крови?”– спросил Карапетян. „Ни капли”, – улыбнулся Ефим.

Ефим Копелян родился в небольшом белорусском городке Речице в апреле 1912 года в еврейской семье. У его отца, лесозаготовителя и бракёра Залмана Давидовича Копеляна (1874-1956), и матери, Маши Мордуховны Копелян (урождённой Френкель, 1878-1954), было ещё пять сыновей. Его деду по материнской линии, лесопромышленнику и одному из самых состоятельных людей города Мордуху Френкелю, принадлежал лесопильный завод, поставлявший древесину для мостов военного ведомства. Один из старших братьев, Исаак, стал известным художником, двое погибли на фронте в годы Великой Отечественной войны: Абрам (1902-1945) под Ленинградом, Евгений (1908-1945) в Польше. С 1912 по 1929 год жил в Речице на улице Карла Маркса, дом 25.

После окончания школы в 1929 году приехал в Ленинград и некоторое время работал токарем на заводе „Красный Путиловец”, а затем поступил в Академию художеств на архитектурный факультет, где ранее обучались его два брата. Молодой провинциал собирался стать архитектором, а не актёром.

Как известно, человек предполагает, а Б-г располагает. Поддавшись уговорам приятеля, 17-летний юноша бросил Академию и поступил в студию при Большом драматическом театре, тем более что какой-никакой театральный опыт у него был – студент подрабатывал в массовых сценах в спектаклях того же БДТ. Тогдашний главный режиссёр театра Константин Тверской обратил внимание на талантливого студийца и через некоторое время доверил ему роль лорда Грея в спектакле „Жизнь и смерть короля Ричарда III”. От учебной студии до профессиональной сцены молодому Копеляну оставался всего лишь шаг, и он его сделал, став в 1935 г. артистом БДТ.

Но поначалу всё складывалось не совсем удачно. До войны Ефима занимали в эпизодических ролях, после – давали роли „неположительных” героев, и он мог бы так и остаться одним из многих игравших на этой сцене, если бы… Если бы не Георгий Товстоногов, при котором и взошла звезда Ефима Копеляна. Товстоногов взял умирающий театр в 1956 г., вернул его к жизни, обновил репер-туар, труппу, естественно, привнёс свои принципы работы и с актёрами, и с драматургами. И через непродолжительное время превратил БДТ в один из лучших театров страны. При нём Копелян стал одним из ведущих актеров БДТ. Новый главный разглядел в актёре то, чего не замечали другие режиссёры, использовавшие его в одном и том же отрицательном амплуа. Он увидел в нём актёра-художника – яркого, выразительного, способного создавать глубокие и неоднозначные сценические образы. Хорошего режиссёра можно сравнить с музыкантом, талантливого актера – с инструментом. Например, скрипкой. Товстоногов был не просто хорошим режиссёром, он был режиссёром выдающимся. Копелян был не просто рядовым актёром, он был актёром одарённым. „Музыканту” оставалось только извлечь мелодию из „скрипки”, чтобы она зазвучала так, как ему это было надо. Товстоногов извлёк – и Копелян „зазвучал”. И стал играть самые разные роли: главные и эпизодические, романтические и героические, трагические и комические – от Эрнесто Рома в спектакле „Карьера Артуро Уи” до Саввы Морозова в „Третьей страже”. Товстоногов занимал его и в классическом репертуаре, и в современном, во всех своих лучших спектаклях: „Горе от ума” (Горич), „Три сестры” (полковник Вершинин), „Я, бабушка, Илико и Илларион” (Илларион), „Пять вечеров” (Ильин). Копелян был актёром характерным, мог с одинаковым блеском сыграть героя-любовника, героя-злодея, героя-короля и героя-лакея. Товстоногов использовал все его актёрские данные в полную силу. Оба были мастерами, и оба нашли друг друга.

Как ни странно, кинематографическую известность и славу Копеляну принёс… голос, хотя в кино он снимался с начала 1930-х. Но… Когда летом 1973 на ТВ демонстрировался сериал Татьяны Лиозновой „Семнадцать мгновений весны”, улицы городов пустели, и (не преувеличиваю) всё население Советского Союза приникало к экранам телевизоров. В главной роли снимался Вячеслав Тихонов. Ефим Копелян читал текст от автора. Снимались там и другие замечательные актёры. Но только о „закадровом” Копеляне тогдашняя критика писала, что он может в равной степени разделить успех Тихонова–Штирлица, более того – успех фильма. Татьяна Лиознова вспоминала: „Я позвонила в Ленинград и просила передать, что коленопреклоненно прошу его прочитать авторский текст. Работать с ним было наслаждением… Мы стали соратниками. Его голос звучит так, будто он знает больше, чем говорит…”.

А другой участник съёмочной группы рассказывал, что когда Копелян приезжал на съемки, то говорил: „Я у вас не Ефим Захарович, а Ефильм Закадрович – я же всё время за кадром”. Это был не первый случай, когда Копелян озвучивал текст, но единственный, который сделал его знаменитым на всю страну. Не каждому это дано.

Копелян много снимался в кино. Играл самые разные роли, самого разного диапазона. В 1958 г. режиссёр С. Васильев снял масштабный историко-революционный фильм „В дни Октября” по книге Джона Рида „Десять дней, которые потрясли мир”. Фильм получился слабым, но этот „мелкий” недостаток искупало первое появление на экране фигур таких большевиков, как Троцкий, Зиновьев и Каменев, ходивших при Сталине в „бандитах и убийцах”. Они и в этом фильме не были показаны „белыми и пушистыми”, но сам факт возникновения из небытия этих революционеров был весьма значительным и важным для жизни общества. На роль главного „злодея” режиссёр пригласил Копеляна, и Копелян в силу своего таланта успешно справился с ролью „иуды Троцкого”. А в 1965 в фильме В. Чеботарёва „Как вас теперь называть?” он сыграл роль немецкого полковника Кольвица. За полковником последовал Бурнаш в самом популярном советском приключенческом фильме 1960-х „Неуловимые мстители”, затем – генерал Сергеев в дилогии „Ошибка резидента” и „Судьба резидента”, Свидригайлов в картине „Преступление и наказание”, Бобруйский-Думбадзе в „Опасных гастролях”, доктор Дорн в чеховской „Чайке” и другие. Диапазон, как и в театре, был широк и почти безграничен, режиссёры это знали и наперебой звали актёра в свои картины. Ежегодно Ефим Копелян снимался в пяти-шести фильмах, а за всю свою карьеру в кино сыграл более чем в 80 фильмах и никогда не стыдился того, что сделал в кино.

Звезда Копеляна закатилась 6 марта 1975 г. Он сумел выкарабкаться после первого инфаркта, второй же оказался роковым.

Жена, актриса Людмила Макарова, вспоминала, что в этот день навестила супруга в больнице: «Он был бледен, но ни на что не жаловался. В больнице было довольно холодно, неуютно, и я ему сказала: „Слушай, поедем домой, хватит тебе здесь лежать”. Он ответил: „До конца лечения немножко осталось, я доживу здесь, сейчас пообедаю, отдохну”. Я передала ему тёплые ботинки, поменяла бельё. И он пошёл провожать меня на автобусную остановку. Это было в три часа дня… Вечером… возвращаюсь домой, а у подъезда – почти вся труппа и врач наш из БДТ. Говорит осторожно: с Фимой хуже стало. Тут я глянула на Стржельчика. Он стоял молча, весь какой-то… И я всё поняла…”.

Последней ролью, которую Копелян сыграл на сцене, была роль Тулупова в спектакле „Три мешка сорной пшеницы” по В. Тендрякову. В БДТ актёр проработал 43 года. Не изменив ни себе, ни театру. За два года до смерти его удостоили звания народного артиста СССР, через год после смерти присвоили Государственную премию РСФСР за работу в фильме „Семнадцать мгновений весны”. Его похоронили на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петербурге. На могиле установили памятник – гранитную стелу с древнегреческой театральной маской. На камне выбита надпись: „Ефим Копелян”. Когда Копелян умер, Товстоногов сказал: „Из театра ушла совесть”.

Геннадий ЕВГРАФОВ.

История Кишинёвского погрома

В губернском городе Бессарабии Кишинёве (ныне столица Молдовы) проживало 50 тысяч евреев. Еврейское население мирно уживалось с христианскими соседями, которых было там около 60 тысяч. К началу 20-го века отношения испортились вследствие открытой юдофобской агитации местного уличного журналиста, бывшего акцизного чиновника Крушевана (журналист, прозаик, публицист праворадикального толка, известный как активный черносотенец).

С 1887 г. Крушеван издавал в Кишиневе областную газету под названием „Бессарабец". Сначала эта газета имела умеренно-либеральное направление, но после была продана местным реакционерам-юдофобам из дворян и чиновников и стала получать субсидию от правительства. В течение ряда лет в листке Крушевана велась разнузданная юдофобская агитация. Евреев одновременно обвиняли в экономической „эксплуатации" и в социализме, в религиозной ненависти к христианам, выражавшейся в ритуальных убийствах, и в подготовке безбожной революции. Покровительствуемой газете всё позволялось. Цензором её был кишиневский вице-губернатор Устругов, который в своей административной деятельности был виртуозом по части преследования евреев и ограничения их прав. При таком цензоре, который состоял и сотрудником газеты, в ней можно было безнаказанно печатать даже прокламации, призывающие к погромам. Агитация была тем опаснее, что „Бессарабец" был единственною газетою для всей Бессарабии.

„Бессарабец" – ежедневная кишиневская газета, выходившая в Кишиневе в 1910-1911 годах. Влияние „Бессарабца" скоро сказалось на деле: русская общественная совесть была отравлена этими ежедневными дозами яда, разгорелись тёмные инстинкты, в атмосфере запахло грозою. В начале 1903 года Крушеван нашёл повод усилить свою погромную пропаганду. В местечке Дубоссары был найден исколотый труп русского крестьянского мальчика, Рыбаленко, который, как выяснило позже судебное следствие, был убит своим дядей с целью получения его доли наследства. „Бессарабец" немедленно открыл кампанию, обвинив евреев в ритуальном убийстве. „Смерть жидам, – всех жидов следует перерезать", – такие призывы повторялись чуть ли не ежедневно в газете, читавшейся во всех кабаках и трактирах Бессарабии. У тёмных русских людей и молдаван зачесались руки. Была попытка погрома в Дубоссарах, отражённая тамошними евреями. Перед Пасхою 1903 г. в Кишинёве распускались таинственные слухи об убийстве евреями русской служанки, которая на самом деле отравилась и умерла, несмотря на старания хозяина-еврея спасти жизнь самоубийцы.

То, что творилось в Кишинёве перед Пасхою, носило следы кипучей работы тайной организации, подготовлявшей какой-то сложный, адский план. Преступная организация гнездилась в местном русском клубе, где собирались преимущественно губернские чиновники. Незадолго до праздников в городе вдруг появился назначенный из Петербурга агент департамента полиции, жандармский офицер Левендаль, который после Пасхи – когда кровавое дело было сделано – также внезапно уехал. Триумвират Крушеван-Устругов-Левендаль, по-видимому, был душою страшного юдофобского заговора. По городу разбрасывались печатные листки, в которых говорилось, что по царскому указу разрешено учинить кровавую расправу над евреями в течение трёх дней христианской Пасхи. Полиция не мешала распространению этих листков, ибо, как выяснилось впоследствии, она была посвящена в заговор. Некоторые полицейские агенты даже намекали на предстоящие события в разговорах со знакомыми евреями. В трактирах, чайных и пивных о предстоящем погроме говорили откровенно. Евреи чувствовали приближение грозы, но едва ли догадывались, что на это раз предстоит не ординарный погром, а резня. Накануне Пасхи представители общины обратились с просьбою о защите к губернатору и полицеймейстеру и получили холодный ответ, что инструкции даны и меры охраны будут приняты. Местный православный епископ, которому представился раввин, спросил последнего: правда ли, что среди евреев есть секта, употребляющая христианскую кровь для своих обрядов?

Пожар, открыто подготовленный поджигателями, вспыхнул в условленный момент – в воскресенье 6-го апреля, первый день христианской Пасхи и предпоследний день еврейской. В полдень, когда зазвонили церковные колокола, многочисленные банды мещан и мастеровых, как бы по сигналу, рассыпались по городу и набросились на еврейские дома и лавки. Впереди шли уличные мальчишки и разбивали окна камнями. Видя, что полиция этому не препятствует, банды, пополненные новыми „бойцами", стали врываться внутрь домов и магазинов и выбрасывать оттуда имущество, которое на улице уничтожалось и расхищалось гуляющею праздничной толпою. Но и тут полиция и расставленные на улицах войсковые части оставались в бездействии, никого из громил не арестовывая. Это окончательно убедило толпу в верности слухов о „разрешении бить жидов". По улицам разлилась огромная волна черни, опьяненной водкою, раздались крики: „Смерть жидам, бейте жидов!". С вечера пошла полоса зверских убийств. Разбойники, вооружённые дубинами, топорами и ножами, набрасывались на евреев в вагонах трамваев, на улицах и в домах, и наносили им тяжкие, часто смертельные побои. И тут полиция и войска молчали, но когда в одном месте группа евреев, вооружившись палками, попыталась отогнать разбойников, полиция вмешалась и обезоружила защитников. В 10 часов вечера погром и убийства остановились. Говорили, что в главном штабе погромщиков совещались тогда о дальнейшем плане военных действий и было решено приступить к сплошной резне.

Такой сигнал был дан по „армии", и в течение всего дня 7 апреля, с рассвета до 8 часов вечера, в Кишинёве совершались зверства, каких не бывало в прежних погромах. Видя себя беззащитными, отданными на произвол дикой толпы, многие еврейские семейства прятались в погребах, на чердаках домов, а иногда искали спасения в домах соседей-христиан, но везде настигала несчастных рука убийц. Евреев избивали самыми варварскими способами: многих не добивали, но оставляли мучиться в предсмертных судорогах; некоторым вбивали гвозди в голову или выкалывали глаза; малых детей сбрасывали с чердаков на мостовую и разбивали им головки о камни, женщинам распарывали живот или отрезывали груди. Многие женщины подверглись зверскому насилию. Один гимназист, на глазах которого хотели изнасиловать его мать, вступил в борьбу с негодяями и своею жизнью спас честь матери: его убили, а матери выкололи глаза. Пьяные бандиты врывались в синагоги и рвали в куски, топтали и грязнили пергаментные свитки Торы. В одной синагоге старый шамос (служитель), одетый в талес (молитвенное покрывало), своею грудью заслонил от осквернителей ковчег со священными свитками и был убит на пороге святыни. В течение всего дня по улицам тянулись возы с ранеными и убитыми евреями по направлению к больницам, превращённым в полевые перевязочные пункты, но и это зрелище не заставило полицию остановить резню. Русское общество, за единичными исключениями, нигде не вступалось за избиваемых. „Интеллигентная" публика – чиновники с женами и детьми, учащиеся, адвокаты, врачи – спокойно гуляла по улицам и равнодушно, а порою и сочувственно, наблюдала за ужасной „работой".

Бессарабский губернатор фон Раабен, к которому на утро второго дня погрома обратилась еврейская депутация с мольбою о защите, ответил, что он ничего не может сделать, так как ещё не получил приказа из Петербурга. Только в пять часов дня пришла телеграмма Плеве, и в 6 часов на центральных улицах появились большие отряды войск в полном вооружении. Толпа увидела, что войско намерено действовать, и тотчас же без единого выстрела рассеялась. Только на окраинах, куда войска ещё не поспели, грабёж и резня продолжались до поздней ночи. Если бы эта готовность полиции и войск к исполнению своего долга была проявлена в самом начале погрома, то в Кишинёве не было бы ни одного убитого или раненого еврея и ни одного разрушенного дома. А после двухдневной свободы убийств и насилий в городе оказалось 45 убитых евреев, 86 тяжело раненных и изувеченных, до 500 сравнительно легко раненых, причём не установлено точно число изнасилованных женщин; 1 500 домов и магазинов были разрушены и разграблены. Больше всего пострадала бедная часть еврейского населения, так как многие богатые семьи крупным подкупом добились защиты полиции, которая не допускала громил к их домам. На всё количество еврейских жертв насчитывалось всего двое убитых христиан из перепившихся громил. Смертельно запуганные кишинёвские евреи не решились даже в последнюю минуту оказать сопротивление убийцам и дорого продать свою жизнь.

Крик ужаса раздался в России и в более цивилизованных странах, когда пришла весть о кишинёвской резне. В России этот крик был заглушён жестокими ударами цензуры Плеве. Если частица страшной правды прорывалась сквозь цензурные заграждения, Плеве объявлял предостережения газетам „за вредное направление" и грозил закрытием (русско-еврейский „Восход" в Петербурге, юридический журнал „Право" и др.). Всей русской прессе правительство навязывало лживую версию своих официальных сообщений, в которых организованная резня выдавалась за результат случайной драки между евреями и христианами, возникшей на каруселях в первый день праздника. А бездействие войск объяснялось то их малочисленностью (в городе было несколько батальонов), то нераспорядительностью полиции, причём об убитых и раненых говорилось глухо, как будто пострадавшими в „драке" были обе стороны. Но в заграничной прессе появились разоблачения, от которых содрогнулись сердца в Европе и Америке.

Корреспондент лондонского „Times" опубликовал копию секретного письма Плеве на имя бессарабского губернатора, где за две недели до погрома губернатору предписывалось, в случае возникновения антиеврейских „беспорядков", не прибегать к оружию против погромщиков, дабы не возбудить „враждебных правительству чувств в населении, ещё не затронутом революционной пропагандой". Если даже признать апокрифичным это письмо с данным адресатом, то нет никакого сомнения, что инструкция в таком именно смысле скорее устная, чем письменная (вероятно, через тайного агента Левендаля) была дана властям в Кишинёве. Всем было ясно, что если губернатор на второй день погрома ждал разрешения из Петербурга на прекращение резни, то раньше был дан свыше приказ о её допущении до известного срока. Европейская печать указывала, что ужасы армянской резни в Турции, против которых не раз протестовала и русская дипломатия, бледнеют перед массовыми убийствами в Кишиневе. Европа и Америка волновались, западное еврейство собирало миллионные пожертвования в пользу своих несчастных восточных братьев, но дальше сочувствия и филантропии дело не пошло.

Болезненно восприняло катастрофу русское еврейство. Смешанное чувство гнева и стыда овладело еврейским обществом: гнев на организаторов и попустителей страшного преступления, стыд за замученных и поруганных братьев, которые, не имея возможности спасти свою жизнь, не спасли хоть своей чести простым сопротивлением натиску людей-зверей, уверенных в своей безопасности.

Ни погромы начала 80-х годов, ни московская расправа 1891 года не вызвали такого потрясения народной души, как кишиневская резня. Проснулось жгучее чувство мученичества, но с ним – и чувство героизма.

по материалам сайта isralove.org.

„Кровавый навет" – истоки мифа

Американская исследовательница Эмили Роуз утверждает, что миф о Кровавом навете – обвинении евреев в убийстве христиан в ритуальных целях – появился в Англии в середине XII века на фоне неудач Второго крестового похода и изнурительной гражданской войны.

В марте 1144 г. в лесу близ Нориджа (150 км к северо-востоку от Лондона) было найдено тело подростка. Лесник обнаружил труп в канун Пасхи, мальчик был зарезан, руки его связаны. Погибшего вскоре опознали – им оказался Уильям, 12-летний подмастерье кожевника, мальчик из зажиточной семьи. Никакого следствия не было, подростка похоронили без особых церемоний и, судя по всему, о происшествии забыли. Через шесть лет, в 1150 г., бенедиктинский монах Томас из Монмута, только что приехавший в Норидж, приступил к расследованию смерти Уильяма. В течение 25 лет он добивался канонизации подростка как мученика за веру, и добился её. Текст жития стал широко известен, и спустя считанные годы после появления „Жизни и страстей Уильяма Нориджского" вести о точно таких же убийствах стали приходить из Англии и Франции. Атмосфера в обществе накалилась, и начались массовые казни евреев. В том же Норидже в 1190 г. были убиты все евреи. До полного изгнания евреев из Англии оставалось ровно сто лет.

Вообще-то Эмили Роуз – не первая, кто предположил, что совершённое в 1144 г. в городе Норидж преступление стало краеугольным камнем в мифе об убийстве евреями христианских детей; однако именно Роуз нашла документы, которые обнаруживают прозаические мотивы для создания такого сюжета. Подлинная рукопись Томаса Монмутского сохранилась, она хорошо изучена, и ещё в XIX в. её первый издатель заподозрил автора в предвзятости. Эмили Роуз перечитала текст заново, сопоставила его с десятками похожих историй, записанных, в основном, во Франции в XII и начале XIII в., отыскала все уцелевшие документы, имеющие отношение к Нориджу и его жителям в интересующую эпоху, и воссоздала сложную картину жизни английского города спустя сто лет после нормандского завоевания.

Но главное: исследовательнице удалось убедительно ответить на вопрос: „Кому выгодно?". Оказывается, эта история помогла оправдать барона, виновного в убийстве богатого еврея, и существенно укрепила авторитет местной церкви.

Гражданская война 1135–1154 гг. сопровождалась грабежами и убийствами. Один из хронистов середины XII в., описывая пытки, которым солдаты подвергали жителей, добавлял, что в те годы „Христос и святые спали". Знаменитый барон-разбойник Жоффруа де Мандевиль орудовал недалеко от Нориджа как раз в 1144-м, в год смерти Уильяма. Насилие, чинившееся баронами, ударило не только по крестьянам и ремесленникам, но и по клиру, у которого отбирали земли, и по купцам, у которых отбирали деньги и товар. Так что смерть нориджского подмастерья на фоне таких бесчинств едва ли могла вызвать долговременный интерес. А когда рыцари со своими отрядами вернулись в Англию после неудачного крестового похода, уже никому не было дела до какого-то ребёнка – лишь бы не попасть под горячую руку очередному разорённому барону. Тем не менее, некоторые преступления феодалов всё-таки доходили до суда. Одно из них, по мнению Эмили Роуз, и послужило катализатором для канонизации мальчика Уильяма.

В 1149 г. рыцарь Симон де Новерс, отпрыск обедневшей нормандской семьи, нанял убийц для расправы со своим кредитором-евреем по фамилии Делесо. Делесо был виднейшим представителем нориджской еврейской общины. Также он был связан с банкирами Лондона и других больших городов Англии. Преступление, совершённое в Норидже, было раскрыто без труда: пойманные убийцы сразу же указали на заказчика. Дело дошло до короля Стефана. В Лондоне в 1150 г. состоялся суд, на котором де Новерса защищал епископ Нориджа Уильям де Тюрбевилль. Нужно отметить, что семья де Новерса была тесно связана с нориджской епархией и самим епископом. Де Тюрбевилль избрал агрессивную линию защиты: он припомнил историю нераскрытого убийства подмастерья Уильяма и обвинил в его смерти евреев. В пересказе Томаса Монмутского ударная часть речи епископа звучала так: „Мы, христиане, не ответим на обвинение евреев [в том, что Делесо был убит по приказу де Новерса], пока евреи не докажут, что не были причастны к убийству нашего христианского мальчика". Далее де Тюрбевилль описал картину преступления: якобы представители еврейской общины выманили Уильяма из материнского дома обещанием работы, заточили его в одном из домов, три дня жестоко мучили, а в Страстную пятницу убили и выбросили тело в лесу. Тем, кто не понял намёка, епископ прямо объяснил, что евреи убили невинного ребёнка так же, как они убили Христа. Благодаря судебной атаке де Тюрбевилля получилось, что Симон де Новерс невольно отомстил за мальчика, расправившись с Делесо. Участники суда внезапно обнаружили, что от убийства еврея рыцарем они перешли к расследованию убийства мальчика евреями.

На суде были зачитаны показания трёх свидетелей: богатого горожанина, крещёного еврея и служанки. Примечательно, что го-рожанин к моменту суда был мёртв, и суду представили содержание его предсмертной исповеди – в нарушение тайны исповеди. Имя служанки не было названо на суде, но ей приписали красочный рассказ о том, как сквозь приоткрытую дверь она увидела му-чения бедного Уильяма. А крещёный еврей повторил несколько ле-генд о том, как евреи, сговорившись, предавали крестоносцев в ру-ки сарацин. В результате суд не нашёл в себе сил противостоять напору епископа Нориджского и почёл за лучшее отложить слушание по делу Симона де Новерса до лучших времён. Времена эти так и не наступили, потому что и 20 лет спустя этот рыцарь появлялся в восточноанглийских хрониках как зачинщик беспорядков.

Расследование убийства Уильяма тоже не продвинулось, и обвиняемых в нём не появилось, но репутация еврейской общины Нориджа была испорчена, многие её члены решили уехать из города. Те, кто остались были убиты в 1190 г. Тело Уильяма эксгумировали и перезахоронили возле кафедрального собора. Лондонский суд вызвал немалый интерес к судьбе мальчика, оставалось облечь его историю в житийную форму. Это было поручено Томасу Монмутскому, который к 1154 г. написал первый короткий вариант „Жизни и страстей св. Уильяма Нориджского", а в последующие 20 лет расширил его до пяти книг. Повторное перезахоронение останков Уильяма привлекло в город паломников, и мальчик превратился в настоящего местночтимого святого, чего и добивался епископ. Так епископ де Тюрбевилль своим участием в лондонском процессе над Симоном де Новерсом сумел решить две задачи: защитил рыцаря от обвинения в убийстве и приобрёл столь нужного для своей епархии святого мученика.

Как меня звать?

Когда у нас в Одессе начались погромы, пожары, убийства, я сказал себе: провались оно сквозь землю, уберуська я отсюда, уеду куда глаза глядят, чёрт возьми! И стал я готовиться в путь. Но легко сказать: „Уеду!". Не так-то просто в бочке селёдки вырваться из самой серёдки. Паспорт стал у меня костью в глотке!.. Не моя вина, что у меня рифмуются серёдки, селёдки, глотки, плётки и околотки... Да, так на чём же я остановился? Пришлось начать хлопоты о паспорте, пришлось иметь дело с различными субъектами, да сотрётся вовеки память о них, познакомиться с писарьками, холера их возьми сегодня же!..

– Этак вы скоро исчерпаете весь запас проклятий. Может, вернее перестать ругаться и толком рассказать свою историю?

Так обратился к нему Дедушка, и мой коллега, обладатель горячего темперамента, продолжал свой рассказ:

– Разве я кого-нибудь проклинаю? Чёрт его возьми! Я просто говорю: провались оно в преисподнюю! Словом, стал я добывать себе паспорт. А что у нас значит раздобыть паспорт – это, кажется, излишне рассказывать вам. Раздобыть паспорт означает: познакомиться со всякими мордами, со всякого рода паразитами, раздавать им деньги, как – простите за сравнение – в канун Судного дня у входа в синагогу. Каждой морде – целковый! Короче, вполне достаточно морд насмотрелся я, прежде чем попал к его благомордию, к самому начальнику... Пройдя все семь кругов ада, вошёл я к нему в кабинет и застал в самом разгаре работы: он скрипел пером. А это вы, конечно, знаете, когда чиновник скрипит пером, не смей к нему соваться! Пусть погибает весь мир, но ты обязан стоять и ждать, пока не перестанет скрипеть. Только уж очень не любитель я стоять у двери, пока его благомордие когда-нибудь перестанет скрипеть. Набрался я духу и слегка кашлянул, – так сказать, послал эстафету: человек, мол, пришёл...

Начальник, однако, не перестаёт скрипеть. Я осмелел и кашлянул громче. Он поднимает голову, пялит на меня налитые кровью глаза, разевает пасть и рявкает: „Что надо?"

Я, конечно, вспыхиваю как спичка. Что это за „что надо"? И к чему на меня орать? Я, когда разозлюсь, забываю сразу, на каком я свете; у меня темнеет в глазах, начинает першить в горле, вот тут вот, говорю всё, что попадет на язык, мне хочется изломать всё, что вижу, разодрать в клочья, уничтожить дотла! Помню историю, я был тогда ребёнком. Рос я сиротой, и слово „сирота" было мне ненавистней свинины, и ещё не мог я терпеть, когда меня, бедняжку, мол, сироту, жалели. Жалость, когда её проявляют публично, открыто, перед всем миром, отвратительна, тошнотворна, гадость! Короче, я был сиротой, и меня жалели, а больше других жалела меня наша соседка, её звали Иешиихой. Надумала однажды эта Иешиха и, преисполненная жалости к сироте, купила ему, прошу вашего прощения, портки. Ладно, описывать вам великолепие, красоту, шик этих портков не приходится. Раз в сто лет попадаются такие портки. Не знаю, можно ли в наше время достать такие портки по три рубля за дюжину! Ладно, не это главное. Стоило бы вам посмотреть, как Иешиха созвала всех соседок и кумушек со всей улицы, развернула портки, показала всему миру – пусть все видят, что за портки Иешиха купила сироте. И весь мир любовался портками, все их разглядывали, как сокровище, оценивали и завидовали не столько сироте, ставшему обладателем таких знаменитых портков, сколько Иешиихе, совершившей такое благодеяние... Я смотрел на всё это издали, разъярённый, слёзы стояли у меня не в глазах, а в горле, – вот тут вот. Иешиха полагала, вероятно, что я на седьмом небе от счастья, только стыжусь это показать, и обратилась ко мне голосом слаще мёда: „Подойди сюда, сирота, не стыдись, примерь-ка портки, что я тебе купила".

Больше не понадобилось. Я подбежал, схватил портки, впился в них прежде всего ногтями, потом зубами, остальное я доделал ногами. Короче, в несколько минут от портков остались только клочья, напоминавшие, что были некогда портки на белом свете, и нет их более... Короче, на чем же я остановился? Да, на том, как „большой" начальник крикнул: „Что надо?" и как я разозлился и едва не пришёл в ярость..., но я одумался – что же из этого получится? Ещё останусь, чего доброго, без паспорта! И сдержался на этот раз. Подхожу к столу, без единого слова подаю ему бумаги. Начальник заглянул в бумаги и – ко мне: „Как тебя звать?" Я молчу. Видя, что я молчу, он повысил на несколько тонов голос: „Как тебя звать? Как твоё имя?!" Моё имя!!! Слышите, клянусь жизнью, в эту минуту я, как нарочно, забыл, что, кроме моего псевдонима, у меня есть ещё и собственное имя. Но как, скажите на милость, забыл?! Совершенно таки забыл! Начисто забыл! Все имена во всём мире я помнил; все имена моих родственников, друзей и знакомых стояли перед моими глазами, и только одно имя, моё собственное имя, ушло туда, куда уходит милая святая суббота, исчезло бесследно! Неслыханное дело! Боже милостивый! Как моё имя? Как меня зовут? Ну??? Хоть убейте, забыл! Что тут делать? Начальник смотрит на меня, как на наглеца. „Вот-вот, – думаю я, он разразится трёхэтажным благословлением с разворотом, позвонит, и войдут два ангела-хранителя, зацапают меня, как бес зацапал меламеда, и со всеми почестями отведут прямо в холодную!" А я это ненавижу, эту штуку я уже отведал. Довольно! Больше не хочу. Есть, однако, на свете великий бог, и он спас правого. Он подал мне мысль, чтобы я твёрд был как камень. Эти людишки, если вести себя дерзко, да ещё говорить с ними, повысив голос, тотчас обмякают, хоть вей из них веревки. Так и было. Сейчас вы услышите, какой разговор произошёл между нами. Передаю его дословно.

Он. Как тебя звать?

Я. Кого? Меня?

Он. А то кого же? Меня?

Я. Точно так, как значится в этих бумагах.

Он. А как значится в этих бумагах?

Я. А читать ты умеешь?

Он. Кто? Я?

Я. А то кто же? Я?

Он (громким голосом). Ка-а-ак! Ты смеешь со мной так разговаривать? Со мной? Да ты знаешь, с кем ты разговариваешь?

Я (тоже громким голосом). А ты знаешь, с кем ты разговариваешь?

Услышав мой резкий тон, какого отродясь не слышал от еврея, начальник заглянул в бумаги и вслух прочёл мое имя, – только это мне и нужно было!

Что было дальше – уже неинтересно. Я, благодарение Вс-вышнему, благополучно выбрался оттуда и славлю Б-га каждый день, каждый час за то, что он вызволил меня из беды, не знать мне подобной отныне и вовеки!

– Аминь! – отозвались мы все трое, и Дедушка подмигнул мне: „Теперь, мол, твой черёд рассказывать". И я приступил к моей „Истории с тремя городами", но это уже другая история.

Шолом АЛЕЙХЕМ.

Как разделить наследство

– Сеня! Ты имел сегодня туалет?

– Да, утром.

– У тебя что-то болит?

– Нет, кецелэ, я здоров.

– Ты хочешь кушать?

– Я сыт!

– Сеня, скажи что такое? Ты уже час сидишь, как на торжественных похоронах твоего начальника!

– Манечка! Я думаю!

– Ты сошёл с ума? Зачем ты начинаешь делать то, что ты никогда не умел? Он думает! Он Спиноза! Что ты можешь думать после обеда? За ужин подумаю я!

– Манечка, я думаю за наследство!

– Сеня, быстро скажи, что у тебя болит, не делай мне инфаркт! – Ничего у меня не болит! Вчера, когда я ходил в магазин, я встретил Изю. Что жил около рынка, ещё его жена Роза дала кулаком в голову Ёське-бандиту, когда он пришёл грабить магазин, где работала Роза. И Ёська упал в омморок, пока не приехала „Скорая", а потом Изя носил Ёське в больницу пердачи шо-то покушать!

– Ой, что ты знаешь? Роза таки да дала в голову Ёське, и он таки да бандит. Но Роза тогда любила этого Ёську и узнала, что он встречается со шворкой Белочкой, помнишь, кто только с ней не спал! Так ей ещё Ёську стало надо! Роза позвала Ёську поговорить, обиделась и удари-ла его! Грабить он пришёл магазин! Мало ему тогда было магазинов грабить, чтобы он пришёл туда, где работает Роза? А что Роза сделала с Белочкой? Она ей так поправила причёску, что Белка стриглась почти налысо, чтобы отрастить то, что взяла в свои руки и так и не отпустила Роза. А Изя всегда был поц! И потому он носил покушать Ёське в больницу! Он что не знал, что Роза гуляет с Ёськой? Знал! Но он был поц! Так ты за кого думаешь? За наследство, за Изю-поца или за Розу?

– Изя мне рассказал, что умер его брат Фуля, помнишь, он ещё работал на базе и имел там копейку и хорошую? А когда он здесь заболел, так его сын да ходил к нему в больницу, а дочка сказала, что она много работает и ей некогда идти к папе. Фуля написал завещание всё на сына, а дочке оставил свою мебель, которую надо заплатить, чтобы её отнесли на помойку! Дети так поругались, что не хотят знать друг друга, а сестра теперь судится с братом, только ничего ей не выйдет! Так я подумал, что нам с тобой надо всё разделить поровну между детьми, чтобы они не поругались после нас.

Еврейская майса

– Сеня! Фуля привёз в Израиль столько денег, что у нас с тобой не было за всю нашу жизнь! Даже Изя-поц привёз деньги, его Роза не только Ёську любила, но и в магазине не терялась! А что ты принёс в дом? Ты всю жизнь писал свои глупости на фабрике и что имели дети? Карандаши? И то не цветные! Ша! Ша! Не кричи! Да у нас была квартира и этот твой жопорожец! Всё! Какое наследство ты хочешь делить? Нашу здесь квартиру? Так она для пенсионеров и мы её не выкупили! У тебя есть деньги купить?

– Манечка! Я писал не глупости, а технологии пошива ночных рубашек и пижамов! И мы выпускали самые модные ночные рубашки на Украине и вообще! А когда я хотел уйти в мясной магазин, так кто меня не пустил? Ты! Ты сказала, что такого дурака, как я, посадят сразу, и я не пошёл! А делить нам есть что! У тебя три браслетки: одну подарила моя мама, другую я тебе на сорок лет, а третью – дети! И как ты их разделишь двум невесткам? Одна сразу обидится! А серёжки у тебя одни золотые, а другие с брулиантом! А их как поделить? А карманные часы моего папы? Ты помнишь, как с ними любили играться Боря и Веничка? Ну и кому их отдать? Ой, кецелэ! У меня голова лопается, так я переживаю!

– Сеня! Ты таки тоже поц! Ты что не знаешь, что на браслетки и серёжки есть мода? И мои браслетки невестки не оденут, даже если их будут стрелять? А то, что мы на Украине звали брулиантом, так здесь зовут мусором! И теперь скажи: кто сейчас носит карманные часы? Сеня! Нам нечего делить! И наши дети не будут ждать нашей смерти за наследство! Они нас любят просто так, без денег! Сеня! Мы с тобой счастливые люди и нам тоже не надо думать, что дети ждут, что мы уже умрём! Успокойся и живи себе до ста двадцати лет!

– Кецелэ! Я всегда знал, что ты у меня умная! Ты сняла мне камень с души! Ой, как же я переживал! Так мы таки счастливые с тобой!

Муж и жена

– Манечка! Так ты уже оделась?

– Что ты хочешь, скажи? Если бы я оделась, так что я играю с тобой в пратки? Я бы оделась, я бы вышла! Иди сюда покажи, что ты надел? Так, быстро иди и сними эту майку!

– Мне она хорошо! Она мягкая и не давит нигде!

– А я сказала: сними эту майку! Сеня, ты не выйдешь с ней из дома! Ты похож на кусок бомжа! Я выкину эту майку!

– Что ты кричишь? Нельзя сказать тихо? А что я надену?

– Ты как барышня перед помолвкой! Что он наденет? У тебя нечего надеть? А где твоя рубашка в розовую полоску?

– Она мне жаркая!

– Ты мне будешь говорить что жарко? Иди, надень на себя бустгалтер – я на тебя посмотрю! А что ты на ногах надел? Сеня! Ты сошёл с ума! Ты зачем надел носки и сандалии? Ты забыл как Боря ругал тебя? Сандалии носят на голую ногу!

– Пусть наш Боря перед своей Стеллой моду делает, а мне сандалии трут без носок!

– Так одень кроссовки! Там носки сядут на место!

– Что ты опять надел? Слушай Сеня! Ты взрослый человек, ты слышал, что сказал Боря? На кроссовки надевают белые носки! Что ты залез в чёрные? Иди, переодень сейчас же! А я сказала переодень! А я сказала в чёрных ты не выйдешь! Я не хочу, чтобы эта Рабиновичка смеялась с тебя! Что же это за тяжёлый человек! Сеня! Ты мне всю кровь выпил!

– Манечка, кецелэ! Не делай себе инфаркт! Я уже иду!

– Что такое? Чем от тебя пахнет? Что ты вылил на себя? Сеня!!! Когда ты успел? Это же мои дорогие духи!! Ты знаешь сколько они стоят? Они стоят дороже, чем ты в кроссовках и с телефоном! Ой, гевелт! Он загонит меня в могилу!

– Я знаю что я налил? Тут стоял пизарёк, я его налил!

– Сеня! Это не пизарёк! Это Шинель номер пять! Это мне подарили дети на юбилей! Этим духам уже семь лет! Я их берегла, чтобы ты вылил на себя пизарёк? Нет, я сейчас хочу умереть! И чтобы ты не был на моих похоронах!

– Как я могу быть на твоих похоронах? Я умру на три дня раньше пока ты соберёшься! Так ты ещё вытащишь меня из гроба и положишь на другой бок! Кецелэ! Ну что ты нервничаешь? Там же ещё осталось! Ты хочешь такие духи? Я куплю тебе эту шинел и пять, и шесть, и семь!

– Шлимазл! Рокфеллер! Таки я дура, что связалась с тобой! Всё! Ты выключил свет в ванне? А в туалете? А в спальне? Где твои ключи? А телефон ты взял? Положи его в красивую сумочку, эта у тебя уже вся грязная. Ты выпил таблетки после еды? А холестерол ты выпил? Что ты уже кричишь?? Ша!! Мы уже выходим!

Галина РУСИНА.

Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии".

Газета „Вместе". Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколінь – Хэсэд Дорот".
Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная верстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.
Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.
Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.
☏ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11. e-mail: inejnem20@gmail.com http://hesed-dorot.ck.ua
Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.
Подписной индекс 90781.
При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация большого МетроВеста, Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт".

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.